

**Ричард
БАРЭМ**

**НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЛУЧАЙ
ИЗ ЖИЗНИ ПОКОЙНОГО ГЕНРИ ГАРРИСА,
ДОКТОРА БОГОСЛОВИЯ**

Прежде чем приступить к рассказу о данном весьма неординарном происшествии, я, дабы заручиться со стороны слушателей должным доверием, полагаю необходимым предупредить, что мой достопочтеннейший друг, в чьих бумагах я обнаружил эту запись, на протяжении всей своей жизни почитался человеком уравновешенным и здравомыслящим, безупречно правдивым и высоконравственным: он никоим образом не обладал нервическим складом характера и, сталкиваясь со случаями, выходящими за рамки обычного хода событий и не поддающимися мгновенной разгадке, не склонялся тем не менее к тому, чтобы переоценивать их значимость.

Что до правдивости повествования, коль скоро она подтверждалась личным свидетельством моего друга, то никто из знавших его ни на минуту бы в ней не усомнился. Вкратце рассказанная им история такова.

— Мой друг женился рано и в возрасте тридцати девяти лет овдовел, оставшись с единственной, совсем юной, дочерью, которая как раз тогда вышла замуж за близкого родственника нашего семейства. Спустя всего лишь три дня после родов миссис С*** супруг ее внезапно скончался, упав с лошади, о чем ей поспешила

сообщить глуповатая служанка, которая, увидев, как бесчувственного хозяина вносили в дом, ринулась со всех ног в спальню роженицы (рвение раньше других доставить дурную весть весьма свойственно низшим сословиям). Потрясение оказалось чрезмерным, и, хотя юная вдова прожила после этого прискорбного события еще несколько месяцев, силы ее неуклонно убывали, и вскоре она скончалась, оставив младенца, которому еще не исполнилось и года, на попечение бабушки с материнской стороны.

Моего бедного друга глубоко потрясло это тяжкое несчастье; однако время и стойкое религиозное чувство постепенно умерили остроту его скорби, чему немало способствовали заботы о ребенке, который, как бы по праву наследства, занял в его сердце место, опустевшее после кончины дочери. Фредерик С*** вырос ладным паренком — статного телосложения и красивой наружности, однако в чертах его лица проступало, насколько мне помнится, нечто неприятное, и оно сохраняло холодное выражение, которое немногие посетители дома приходского священника приписывали уединенному образу жизни, привычному для его бабушки, отчего мальчик нечасто бывал в обществе сверстников, равных ему по умственному развитию. Воспитание Фредерика проходило исключительно под домашним кровом; не отличаясь ранним развитием, он тем не менее усваивал школьные знания быстрее большинства мальчиков того же общественного положения; отчасти это, возможно, определялось тем, что даже свободное от уроков время он проводил не так, как другие. Его единственным товарищем был сын деревенского аптекаря — примерно двумя годами его старше, чей отец, обладавший обширными познаниями в области фармацевтики, оборудовал для себя небольшую

лабораторию, и там, поскольку дети были ему по душе, оба мальчика проводили чуть ли не все часы досуга, наблюдая за различными несложными опытами, столь привлекательными для юношества, в надежде со временем перенять восхищавшие их умения.

Неудивительно, что подобное общение пробудило во Фредерике С*** неодолимую тягу к науке, составлявшей главный предмет его интересов, и что, когда возникла необходимость избрать себе путь в жизни, он страстно ухватился за профессию, тесно связанную с его любимым увлечением, а именно за медицину. Зная, что с его последним вздохом прекратится и поступление основной части семейного дохода, а прочих средств внуку не хватит, мой друг не только не противился, но и, напротив, всячески поддержал намерение Фредерика следовать по пути, который обеспечит ему скромный и заслуживающий уважения достаток — вероятно, более способствующий истинному счастью, нежели богатство и привилегированный социальный статус. Соответственно, по достижении нужного возраста Фредерик поступил в Оксфордский университет с целью изучить высшие разделы медицины, меж тем как его друг Джон У*** за несколько месяцев до того отправился в Лейден, намереваясь ознакомиться с хирургической практикой в больницах и лекционных залах, принадлежавших тамошнему университету. Разлука, как это часто случается, не повлияла на близость, связавшую их в годы отрочества; напротив, между ними началась самая оживленная переписка. После уговоров доктор Гаррис даже позволил Фредерику навестить друга в Голландии, а Джон нанес ему ответный визит в Оксфорд.

Хотя первое время известия о ходе занятий Фредерика С*** были довольно утешительными, мало-пома-

лу до кое-кого из его приятелей стали доходить слухи менее приятного свойства; в дом священника, однако, они, как я имею основания полагать, не проникали. Престарелый добрый доктор был настолько любим прихожанами, что никто не решился по собственной воле причинить ему боль, да, в конце концов, местечка N** достигали одни только догадки и пересуды, и достойный викарий был немало удивлен, когда неожиданно получил от внука письмо с просьбой позволить ему оставить университет и завершить образование совместно со своим другом У*** в Лейдене. Данный замысел, изложенный к тому же в преддверии выпуска из университета, и удивил, и огорчил доктора; вопреки прежнему обыкновению, на сей раз он упорно воспротивился пожеланию обожаемого внука, но, как водится, уступил под дальнейшим нажимом, поскольку отказ чересчур сильно расстроил Фредерика, тем более что тот с неподобающим младшему напором заявил, что ни в коем случае не вернется в Оксфорд — вне зависимости от того, какое решение примет дед. Душевное состояние моего друга было в ту пору, вероятно, довольно шатким из-за недавнего краткого, но жестокого нервического припадка, после которого он еще не успел толком оправиться; он с неохотой, но изъявил согласие, и Фредерик покинул Англию.

Лишь спустя несколько месяцев после его отъезда у меня появился повод заподозрить, что горячий интерес к обучению за границей, где возможности шире, чем на родине, не был ни единственной, ни даже главной причиной, заставившей его столь резко порвать с Alma Mater. Меня убедил в этом разговор с его старшим однокашником из того же колледжа, когда я случайно оказался в университете; однако выпытать подоплеку совершенного Фредериком поступка мне не

удалось. Намеки на то, что Фредерик принялся потворствовать слабостям самого предосудительного свойства, мне доводилось слышать и прежде; припомнив, как он, внезапно вырванный из, можно сказать, отшельнического уголка, попал в мир, таивший в себе множество заманчивых соблазнов, где свобода, сторонний пример и все прочее подстрекали его сойти с прямой дороги, я — признаюсь чистосердечно — не столько удивлялся или осуждал, сколько испытывал глубокое сожаление. Но, очевидно, речь шла о чем-то большем, нежели обыкновенная невозддержанность, — это было некое особо постыдное деяние, свидетельствовавшее, возможно, о крайней распущенности; оно-то и побудило наставников Фредерика, поначалу щедро расточавших ему похвалы, удалить его из университета без всякой огласки, но бесповоротно; это указание, как я выяснил, было передано ему от имени должностного лица, перечить которому было немыслимо. Видя уклончивость моего собеседника, явно не желавшего внести определенность, я не настаивал на разглашении истины, каковая, став известной, наверняка меня бы не обрадовала, тем более что мой старый друг доктор недавно получил от лорда М*** завидный приход — всего лишь в нескольких милях от городка, где проживал я, и там он с любовью занимался тем, что обихаживал участок вокруг дома, обставлял и украшал комнаты, готовясь к ожидаемому предстоявшей осенью приезду внука. С наступлением октября явился и Фредерик; он не однажды наезжал и ко мне, иногда вместе с доктором; узы сердечной симпатии между ним и мной после недавней утраты моей несчастной дочери Луизы сделались еще прочнее.

Таким образом протекло более двух лет, на протяжении которых Фредерик С*** еще дважды наведывался

в родные края. Приближался срок его окончательного возвращения в Англию, когда внезапная болезнь моего тестя заставила нас с женой отправиться в Ланкашир, и мой старый друг любезно предложил поселиться у меня в доме и вплоть до моего возвращения взять на себя мои обязанности в приходе. Увы, при следующей нашей встрече он лежал на смертном одре!

Мое отсутствие вынужденно затянулось гораздо дольше, чем ожидалось. Как впоследствии я выяснил, в этом промежутке моему досточтимому заместителю доставили из его дома письмо с иностранной маркой, и он, едва успев передать принятые им на себя обязанности соседнему священнику, поспешил в Лейден. С прибытием, однако, он опоздал — Фредерик был мертв! Убит на дуэли, нешуточный повод для которой, как говорили, был подан им самим, хотя бегство его противника еще более сгустило завесу таинственности над ее первопричиной. Затяжное путешествие, плачевная его развязка и полное крушение всех земных упований моего бедного друга оказались для него непосильным бременем. К тому же походило на то — как сообщил мне владелец дома, в котором я нашел моего друга, когда по его призыву смог наконец добраться до его ложа, — что он пережил вдобавок еще и внезапный и непостижимый удар, для объяснения которого даже гибель внука была недостаточной. В самом деле, когда он пожимал мне руку, в его быстро стекленевших глазах к отчаянию добавилась непонятная удовлетворенность; он сделал попытку приподняться в постели и заговорить, но усилие оказалось чрезмерным: он откинулся на подушки и навеки смежил глаза. Там я и похоронил моего друга, рядом с предметом его большей, нежели родительская, привязанности — в чужой земле.

Нижеследующие отрывки, которые здесь представлены, извлечены мной из бумаг, найденных в его дорожном сундучке; не ждите, однако, чтобы я высказал суждение о странных обстоятельствах, подробно в них описанных, или провел какую-либо связь — быть может, замечаемую иными читателями — между различными фрагментами рукописи.

Первая запись сделана, очевидно, у меня в доме и датирована 15 августа 18** года — приблизительно три недели спустя после моего отбытия в Престон.

Начинается она так:

«Вторник, 15 августа. Бедная девочка! Не помню, чьи это слова: „Подлинные жизненные несчастья меркнут в сравнении с воображаемыми бедствиями“, и воистину сцена, свидетелем которой я только что оказался, во многом подтверждает истинность этого высказывания. Среди недугов — наследия плоти — болезненное воображение отнюдь не принадлежит к числу необременительных, даже если рассматривать его особняком, не принимая во внимание те телесные муки и страдания, которые (столь тесно связано между собой духовное и физическое) постоянно и неизменно сопутствуют расстройству фантазии. Редко когда во мне пробуждалась бóльшая заинтересованность, нежели в случае с бедняжкой Мэри Грэм. Ее возраст, внешность, бледное печальное лицо, весь очерк ее фигуры — все это, увы, неотступно напоминает мне о той, которая, сплю я или бодрствую, никогда надолго не покидает моих мыслей... но довольно об этом.

Ненастную ночь (другой такой бури и не припомню) сменило погожее утро, и не успел я приняться за основательный завтрак (о котором позаботилась домоправительница моего друга Инголдсби — добрейшая

миссис Уилсон), как меня вызвали к постели больной — юной прихожанки: я частенько встречал ее во время прогулок и не мог не заметить ее постоянного присутствия на богослужении. Мэри Грэм — старшая из двух дочерей, проживающих с матерью — вдовой адвоката, который скончался в расцвете лет, оставив семью с самыми скудными средствами. Строжайшая, хотя и без скарденности, экономия позволяет им, однако, сохранять приличия и видимость благополучия, а привлекательность и обаяние, свойственные обеим девушкам, внушают матери надежду на то, что хотя бы одна из них сумеет удачно устроить свою судьбу. Что до бедняжки Мэри, то, боюсь, ее чаяниям не суждено сбыться, и вряд ли я заблуждаюсь: чахотка уже наложила на нее губительную длань, и недавний рецидив, который я назвал бы не иначе как опаснейшим эпилептическим приступом, угрожает еще стремительней опустошить и без того ничтожный запас времени в песочных часах ее жизни. Сама та мания, которой она подвержена, по природе своей такова, что, усугубляя физический недуг суеверным ужасом, неминуемо ускорит катастрофу, стоящую, как мне представляется, на пороге.

Прежде чем мы проследовали к Мэри, ее сестра, поджидавшая у окна, прошла со мной в небольшую гостиную, где, после обычного обмена любезностями, стала подготавливать меня к предстоящей встрече. Лицо ее выражало одновременно тревогу и озабоченность; движимая скорее неким скрытым переживанием, нежели боязнью потревожить больную в отдаленной комнате, она, понизив голос почти до шепота, известила меня, что мое присутствие сделалось необходимым не столько в качестве священника, сколько мирового судьи; расстройство, продолжала она, постигшее сестру ночью, — самое что ни на есть внезапное и необъясни-

мое и выходявшее за любые привычные рамки — сопровождалось обстоятельствами, которые, вкупе с утверждениями страдальцы, ставят его вне всяких обыденных случаев, поскольку, по ее словам, „за всем этим таится злой умысел“.

Естественным образом уловив в этом намек, что в пище больной содержалось нечто вредоносное, я спросил, во-первых, почему она вообще думает, будто ее сестре подсунули пагубное снадобье, а во-вторых, какими побуждениями способен руководствоваться смертный, возжелавший причинить недоброе столь невинному и безобидному созданию. Услышанный мной ответ существенно развеял зародившиеся у меня опасения касательно того, не попыталась ли несчастная девушка по какой-то неведомой причине предстать незваной пред лицом Господа; в то же время ее слова немало поразили меня явной несообразностью и отсутствием здравого смысла. Сестра девушки заявила, что у нее нет ни малейшего повода думать, будто Мэри приняла яд или кто-либо покушался на ее жизнь, да и хотя бы замышлял подобное покушение, однако „злой умысел тут налицо — со стороны либо негодяев, либо демонов, либо и тех и других вместе; нельзя найти никаких причин обычного свойства, чтобы объяснить состояние, в которое Мэри ныне дважды впадала, и те чудовищные муки, которые она при этом испытывала“; и она твердо намерена добиться тщательного расследования всего этого дела. Видя, что бедная девушка сама крайне перевозбуждена, я почел излишним оспаривать ее нелепые утверждения и, дабы ее успокоить, уверил, что необходимое дознание будет должным образом проведено, а затем стал расспрашивать о симптомах нездоровья ее сестры и о том, в чем именно оно впервые проявилось.

Ненастная ночь, как я выяснил, побудила все семейство засидеться дольше обычного часа, до тех пор, пока им, вконец истомленным, „не надоело“, по замечанию матушки, „попусту топить камин и жечь свечи“ и они не разошлись по своим спальням.

У сестер была одна комната на двоих; Элизабет, сев за столик, занялась своим скромным туалетом и только начала укладывать волосы на ночь, как ей тут же пришлось прервать это занятие, поскольку слух ее поразила глухой вскрик сестры: вероятно, она, при своем слабом здоровье, слишком поспешно одолела два лестничных марша и теперь, чтобы перевести дыхание, опустилась в просторное кресло.

Мгновенно обернувшись, Элизабет увидела, что Мэри, мертвенно-бледная, судорожно стиснув подлокотники кресла, подалась вперед, словно к чему-то прислушивалась; ее бескровные губы дрожали, на лбу выступили капли холодного пота; душераздирающим голосом она воскликнула: „Чу! они снова меня зовут! тот же — тот же самый голос! О нет, нет! О боже! спаси меня, Бетси, — помоги мне, спаси!“ — и с этими словами она простерлась на полу. Элизабет бросилась к ней и подняла на ноги; на ее крики в комнату прибежали мать, еще не ложившаяся в постель, и их единственная молоденькая служанка. Служанку тотчас отправили за медицинской помощью, однако, судя по виду пострадавшей, следовало всерьез опасаться того, что любое искусство вскоре окажется тут тщетным. Обезумевшие мать и сестра кое-как совместными усилиями перенесли Мэри на постель: слабый прерывистый пульс еще какое-то время ощущался, но вскоре по всему ее телу прошла сильнейшая судорога; пульс замер, глаза остановились и остекленели, челюсть отвисла; кожа, еще недавно источавшая нежную теплоту жизни, сде-

лалась холодной и липкой. Еще до прибытия мистера А*** все свидетельствовало о том, что наступила смерть и обретший свободу дух покинул свое брренное обиталище.

Приход медика подтвердил худшие опасения: вскрыли вену, но кровь отказалась течь, и мистер А*** возвестил, что жизненная искра и вправду угасла.

Несчастную мать, привязанную к детям тем сильнее, что никаких иных родственников или свойственников на свете у нее не было, охватило отчаяние, близкое к помешательству; Элизабет и врач с трудом довели ее до спальни. Едва ли не час прошел в стараниях успокоить ее смятенные чувства: до какой-то степени это удалось, после чего мистер А*** откланялся, и когда Элизабет вернулась в комнату, где лежала ее сестра, чтобы исполнить над бездыханным телом последние печальные обязанности, ее поразила ужасом алая струйка крови, стекавшая по одеялу на пол. Заслышав ее возглас, в комнату снова вбежала служанка, и обе, потрясенные, увидели, что карминный ручеек протекал из руки умершей, которая начала теперь подавать признаки возвращавшейся жизни. В комнату ворвалась полубезумная мать, и им едва удалось удержать ее от неистовых действий, которые могли бы навсегда погубить надежду, затеплившуюся в их сердцах. Протяжный вздох, похожий скорее на стон, сменившийся конвульсивным хватанием воздуха, предшествовал восстановлению телесных способностей Мэри; за ним последовал пронзительный крик — неестественно громкий для столь слабого организма; мало-помалу она очнулась и с помощью укрепляющих средств к утру восстановила силы настолько, что настойчиво потребовала вызвать меня; ей охотно пошли навстречу, поскольку, выслушав странный рассказ

Мэри, после того как та пришла в себя, сестра преисполнилась самыми чудовищными подозрениями. Природа этих подозрений была такова, что в другое время вызвала бы, вероятно, у меня улыбку; но взволнованность и страдальческая гримаса на лице бедной девушки, пока она обиняками их излагала, совершенно исключали малейшие поползновения к веселью. Посему, не пытаясь противоборствовать идеям, по всей видимости слишком прочно укрепившимся в ее сознании для того, чтобы их оспаривать, я просто-напросто произнес несколько ободряющих фраз и попросил ее провести меня в комнату больной.

Мэри лежала на застеленной постели полуодетой, в свободном одеянии из белого канифаса, цвет которого слишком хорошо соответствовал мертвенно-бледному цвету ее лица. Посеревшие щеки у нее ввалились, отчего глаза казались непомерно выпуклыми и отливали ярким блеском — характерным и нередким признаком помрачения рассудка. Я взял Мэри за руку: она была холодной и липкой, неровный пульс едва прощупывался, и вся она выглядела такой немощной, что я охотнее всего убедил бы ее отложить разговор, который в ее теперешнем состоянии ей трудно было поддерживать. Она, однако, заверила, что пока не снимет с себя тяжкого бремени „страшной тайны“ (это ее слова), ни душа, ни тело ее не будут знать покоя, и в конце концов побудила меня исполнить ее желание: спорить при ее тогдашнем настроении было бы, пожалуй, опасней. Я молча поклонился в знак согласия, и Мэри тихим и запинаящимся голосом, с частыми паузами, вызванными слабостью, следующим образом описала мне те странные ощущения, которые, по ее словам, ей пришлось испытать на протяжении своего транса:

— Это, сэр, — начала она, — не первый случай, когда чья-то жестокость — с целью, какую я просто не в силах вообразить, — подвергала меня пытке, степень которой я не могу сопоставить с мучениями — что душевными, что телесными, — испытанными мной прежде. В прошлый раз я была склонна посчитать эту пытку простым следствием страшного сна — того, что в обиходе именуют кошмаром, — однако ее недавнее повторение при обстоятельствах, когда *призыв* достиг меня еще до того, как я расположилась на отдых, неопровержимо убеждает меня в реальности пережитого и увиденного.

Долее я не могу ничего утаивать. Уже год с лишним мне сделалось привычным во время прогулок порой встречать молодого человека располагающей внешности и с манерами, приличествующими джентльмену. Он всегда был один и обычно занят чтением, однако вскоре я перестала считать наши все более частые встречи случайными, а также поняла, что при встречах его внимание гораздо более, нежели книга, привлекали мы с сестрой. Ему, по всей видимости, хотелось с нами заговорить, и он, безусловно, изыскал бы какую-нибудь возможность для этого, если бы таковая не предоставилась ему нечаянно, когда однажды воскресным утром на нас с сестрой по пути в церковь набросился бродячий пес, которого он отогнал, воспользовавшись этой маленькой услугой, чтобы завязать с нами знакомство. Он назвал свое имя — Фрэнсис Сомерс — и добавил, что гостит у родственника с той же фамилией, проживающего в нескольких милях от N***. Он сообщил, что изучает хирургию, имея виды занять медицинскую вакансию в одной из колоний. Не подумайте, сэр, что он настолько подробно посвятил нас в свои дела при первом же разговоре; нет, это

произошло лишь после того, как знакомство укрепи-лось и он, с позволения матушки, не единожды посе-тил наш дом. С самого начала он не скрывал, что глав-ным толчком к тому, чтобы завязать с нами знаком-ство, была симпатия, которую он ко мне почувствовал. Поскольку его виды на будущее выглядели доволь-но привлекательно, матушка не чинила препятствий его ухаживаниям, а я, признаюсь, принимала их не без удовольствия.

Проходили дни и недели; и, хотя из-за отдаленно-сти нашего дома от местожительства его родственни-ка видаться постоянно нам не удавалось, Фрэнсис тем не менее часто нас навещал. Перерыв составлял день или самое большее два, и это никоим образом не ума-ляло радости при новом его появлении после недолго-го отсутствия. Со временем, однако, на лице Фрэнсиса все чаще стала выражаться задумчивость, и от меня не могло ускользнуть, что с каждым визитом он становил-ся все более рассеянным и молчаливым. Пристраст-ный взгляд не замедлит подметить в том, кто дорог сердцу, и малейшие признаки беспокойности. Я за-говаривала об этом с Фрэнсисом, пыталась его рас-спрашивать, но он отвечал уклончиво, и я перестала допытываться. Матушка, впрочем, тоже не преминула обратить внимание на его меланхолический вид и под-ступила к нему более решительно. Фрэнсис неохот-но признал, что пребывает в подавленном настроении и что его удрученность вызвана необходимостью ско-рой, пусть и недолгой разлуки. Его дядя и единствен-ный друг, пояснил он, давно настаивает на том, чтобы он провел несколько месяцев на континенте с целью завершить профессиональное образование, и срок отъ-езда быстро приближается. В моем взгляде выразился вопрос, который язык отказывался произнести. „Да, ми-

СОДЕРЖАНИЕ

Ричард Барэм

Необычайный случай из жизни покойного
Генри Гарриса, доктора богословия
Перевод С. Сухарева 5

Джордж Элиот

Приоткрытая завеса. *Перевод М. Куренной* 35

Амелия Эдвардс

Карета-призрак. *Перевод Л. Бриловой* 97
Саломея. *Перевод Н. Роговской* 115

Шарлотта Ридделл

Последний из Эннисморских сквайров
Перевод В. Полищук 143

Марк Твен

История с призраком. *Перевод С. Сухарева* 154

Джеймс Брандер Мэтьюз

Вздорные призраки. *Перевод Н. Роговской* 163

Артур Грей

Вечный клуб. *Перевод Л. Бриловой* 189
Подлинная история Энтони Ффрайара
Перевод Л. Бриловой 198
Чернокнижник. *Перевод Л. Бриловой* 207

Эдмунд Гилл Суэйн	
Восточное окно. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	216
Рокарий. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	228
Церковное привидение. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	242
Эдмунд Митчелл	
Фантом озера. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	252
Монтегю Родс Джеймс	
Меццо-тинто. <i>Перевод Н. Дьяконовой</i>	266
Мистер Хамфриз и его наследство <i>Перевод Л. Бриловой</i>	281
Ральф Адамс Крам	
В башне замка Кропфсберг. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	317
Мертвая Долина. <i>Перевод Н. Rogovskoy</i>	330
Эдвард Фредерик Бенсон	
Искушение. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	344
Примирение. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	366
Уильям Фрайер Харви	
Призраки и простаки. <i>Перевод Н. Rogovskoy</i>	385
Последователь. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	390
Комментарии. <i>С. А. Антонов</i>	398

М 65 **Мистические истории. Фантом озера** : новеллы / пер. с англ. Л. Бриловой, Н. Дьяконовой, М. Куренной и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 480 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22641-8

Оживающие статуи, странные места, призраки, спасающие смертных, губящие самонадеянных хвастунов и даже вступающие в брак друг с другом, злокозненные адепты черной магии, сделки с дьяволом, неприкаянные души убийц, попытки заглянуть в будущее — об этом и еще о многом другом повествуют Амелия Эдвардс, Шарлотта Ридделл, Артур Грей, Монтегю Родс Джеймс и другие классики жанра викторианского готического рассказа, чьи произведения вошли в этот сборник. Под их пером реальность то и дело утрачивает привычные границы пространства и времени, подлунный мир открывает свои тайны, а расхожие истины дwoятся и расплываются в зыбких отражениях иной — нездешней — жизни... И даже скептикам приходится согласиться с тем, что далеко не всему можно найти объяснение: «Прежде я размышлял о так называемых сверхъестественных явлениях разве что случайно и вскользь и потому в них не верил. Теперь мне пришлось признать, что происшествие этой ночи — из тех, что не снились моей философии» (Эдмунд Митчелл. Фантом озера).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ ФАНТОМ ОЗЕРА

Ответственный редактор Алла Степанова

Редактор Сергей Антонов

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Валентина Дик

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Ольга Попова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.02.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 21,15.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

A-AKB-31618-01-R